

МОСТЫ ЧЕРЕЗ ЗАБВЕННЫЕ

ПЕРЕДО мной лежит письмо, написанное на клетчатом тетрадном листе порусски. Почерк четкий, уверенный и только некоторые обороты речи говорят о том, что автор его—иностранец.

Казимир Желновский, поляк, житель города Плоцка, откликнулся на запрос участника Великой Отечественной войны советского офицера Христофора Никитовича Херунцева, разыскивающего своего друга Вацлава Желновского. Снимок тех лет был опубликован в плоцкой городской газете.

«Жена Вацлава, Зофья, сразу узнала Вас на съемке и крикнула от радости, а потом в ее глазах появились слезы. Стало жалко, что нет уже Вацлава среди нас,— писал Казимир.— Наш президент вручил мне письмо от Вас, а мои сестры пришли прочитать его. Люция Чапская, по мужу Станишевская, (в больнице Вы ее называли просто Люся), Антонина Кузнецкая и Зофья Беньковская живы. Люся часто вспоминает теперь январь 1945 года, когда было мало людей, работающих в больнице, а больных и раненых много. Помните, она добровольно давала свою кровь советским раненым.

Люди приносили все, что было нужно: продовольственные продукты, биндажи, бинты.

Брат Вацлава ловил для раненых рыбу. Это были трудные дни, но с другой стороны и радостные — ведь Вы тогда освободили нас от немецких захватчиков.

Дорогой товарищ! Теперь Плоцк совсем другой город в сравнении с тем, который ты освобождал с 20 на 21 января 1945 года. Это столица польской химии, восставшая благодаря помощи СССР. Народ польский благодарит всех советских солдат и никогда этого не забудет. Моя и моих близких мечта—встретиться с Вами.

С сердечным приветом
Казимир Желновский».

ТАК, спустя три с лишним десятка лет был перекинут мостик в прошлое и Христофор Никитович узнал о судьбе своих польских друзей, с которыми его свела война в начале победного 1945 года.

А до этого самого дня были километры военных дорог, бои, в которых гибли товарищи, разоренная, вся в пепели-

щах родная земля. Сейчас уже они освобождали другую, польскую, но и здесь на каждом шагу видели опустошение, бесчинства, боль.

С 14 по 20 января без сна и отдыха шло подразделение старшего лейтенанта Херунцева маршем в составе 70-й армии Рокоссовского. Взяли крепость Джак, потом вышли к железнодорожному полотну. Устроились на короткий отдых. Солдатский «комфорт» ведь штука нехитрая — шинель под себя, шинель на себя, шинель же под голову. Люди засыпали мгновенно, готовые при первой команде вскочить, страхнуть с себя сон и снова идти вперед.

Под утро началась перестрелка. На всю жизнь запомнился Христофору Никитовичу этот бой. И не потому, что был он труднее других, а потому, что потерял он, тогда еще старший лейтенант, а нем своего любимца, командира станкового пулемета Володю. Отчаянной храбрости и редкого обаяния был этот семнадцатилетний парнишка. Любили его все, старались уберечь от опасности. Но попробуй уберечь, если он так и рвался в бой на самый опасный участок.

— Его ранило снарядом. Он лежал, беспомощно раскинув руки и повернув голову в сторону наших позиций, а я, его командир, почти что отец, был бессилен чем-либо помочь. Двое бойцов, которые были посланы на подмогу Володе, не дошли до него. Мы поднялись и пошли в атаку.

Даже теперь, спустя столько лет, видно, что вспоминать и рассказывать об этом Христофору Никитовичу очень трудно.

— Не помню, как я оказался под пулями противника у расщепленного молнией дерева. Обернулся, вижу за мной бегут только двое моих бойцов — молдаван. Позже вслед за ними поднялись и остальные. Натиск был настолько неожидан и сокрушителен, что немцы, засевшие в ближайшей деревне, дрогнули и побежали. А мы все шли и шли вперед. Так в день гибели Володи были возвращены полякам два населенных пункта и уничтожено множество врагов. Его же вернуть к жизни не удалось... Он погиб, а в глазах застыли недоумение и боль.

Что оставалось нам, живым? Помнить и мстить!

За этот бой Христофор Никитович был награжден орденом Красного Знамени.

СПУСТЯ два дня вышло подразделение к берегу Вислы. На восточном ее побережье раскинулся город Плоцк. Его-то и предстояло освободить. Первыми в город ворвались бойцы Херунцева.

Слезам радости встречали своих освободителей поляки. Приход Советской Армии принес свободу подпольщикам, томившимся в застенках гестапо. Был среди них и житель Плоцка Вацлав Желновский. Он с женой Зофьей — участники сопротивления, работали в фирме «Нобля». Оставаясь здесь по вечерам под видом срочной работы, они принимали сводки информбюро, печатали листовки, которые потом Зофья распространяла в ближайших селах.

Незадолго до освобождения Плоцка в одной из облав был задержан Вацлав. Его пытали, но он молчал. Гестаповцы терпели терпение, изощрялись в пытках, но так и не смогли добиться своего — сделать его предателем.

«Меня бы расстреляли, если б не Вы», — позже в разговоре с Христофором Никитовичем как-то уж очень просто скажет Вацлав, — но за этой скупой простотой советский офицер безошибочно угадает такую бесконечную благодарность и преданность, которых с лихвой хватит на всю жизнь.

Но это будет потом, а сейчас, освободив Плоцк, советские войска уходили все дальше и дальше вперед.

Спустя два дня после того, как бойцы Херунцева, выбив немцев из богатой польской усадьбы, впервые за много дней смогли по-домашнему сытно поесть (кладовые ломились от добротных продуктов и напитков) и выспаться на настоящих перинах, был ранен в бою Христофор Никитович.

Пуля прошла через горло навывлет. Он сам сделал себе перевязку и продержался еще несколько минут на ногах, потом, рухнув на землю, потерял сознание. После долгих поисков медсанбата, оставшего от стремительно продвигающейся вперед пехоты, командира решено было везти в Плоцк, где, по имеющимся сведениям, в местной боль-

нице лечились и наши раненые.

— Я как сейчас помню хирурга Адама Бесковича. Уже тогда солидный, опытный, он со знанием дела осмотрел рану и сказал обнадеживающе: «Все хорошо, еще пять будете, это я вам обещаю».

Едва слышным шепотом, говорить я не мог, поблагодарил его и закрыл глаза, устав от усилий...

Ординарца Феликса оставили при мне до выздоровления. Ему здорово досталось за то, что не уберечь командира. Теперь он готов был расшибиться в лепешку, выполняя мои поручения.

Больница, как и население недавно еще оккупированного города, снабжалась плохо. Ощущалась острая нехватка продуктов. Медперсонал выбивался из сил.

Тогда-то и пришли жители Плоцка в больницу и предложили ухаживать за ранеными. Главврач Бескович с радостью согласился принять эту помощь.

Сутками сам он не выходил из больницы, оперировал, лечил, осматривал больных, а тут еще административные хлопоты. Вот и решил часть из них взять на себя Христофор Никитович.

Узнав, что неподалеку от города стоит советская часть, он связался с командованием и, объяснив положение дел, выхлопотал довольствие не только на наших раненых и медперсонал, но и на плоцких жителей, лечившихся здесь же, в больнице. Помог распределить раненых, закрепил за каждой палатой шефов из местного населения. И это все будучи прикованным к постели, лишенным из-за ранения возможности говорить.

— Искренность, сердечность, забота, самоотверженность — вот те чувства, которые проявлялись в каждом слове, в каждом поступке наших польских друзей, — вспоминает Христофор Никитович. — Так случилось, что обо мне и моих соседях по палате заботилась семья Желновских — две сестры Люция и Антонина да невестка Зофья.

Сколько любви и уткости проявили они, с какой бережностью относились к нам. Ночами дежурили у постелей, стирали бинты, белье, старались принести что-нибудь по-вкуснее, зачастую обделяя се-

бя. С их приходом, которого мы с нетерпением ждали, в палате становилось по-домашнему тепло и уютно. Разве такое можно забыть!

УЖЕ месяц лежал Христ, как его называли поляки, в больнице, когда Зофья узнала, что на днях у него день рождения. Дата эта была особенно дорога для Христофора Никитовича в силу совпадения. 21 февраля был днем рождения и его жены. К этой дате они приурочили и свою свадьбу. С обоюдного согласия решили этот день провести вместе с польскими друзьями. Дав деньги ординарцу Феликсу, Христофор Никитович попросил его, не скупясь, купить все необходимое для праздничного стола. Жили Желновские в трехкомнатной квартире, и хотя соседи, у которых была большая площадь, наперебой предлагали свои услуги, праздновать радостное событие решили все же у них. Лишнюю мебель вынесли, столы сдвинули, и поместилось в небольшой квартире около пятидесяти человек. Было шумно, весело, жарко и от выпитого вина, и от горячих слов, идущих от сердца.

«И по сей день Зофья живет в этой же квартире, в которой Вы 29 лет назад праздновали свою годовщину рождения», — пишет в письме Херунцеву Казимир.

Значит и он помнит этот день, и Зофья...

Тогда они были молодыми, сейчас уже дедушки и бабушки. Нет в живых Вацлава, скончавшегося в 1952 году, да и многих других, кто сидел тогда за праздничным столом в доме Желновских. Но в тех, кто еще жив, живет и память о трудном и в то же время радостном времени, которое положило начало дружбе возрастом в сорок пять лет.

ТРИ года назад в дни празднования семидесятилетия Союза Советских Социалистических Республик Христофору Никитовичу с женой довелось побывать в Плоцке. Он выступал с трибуны на заводском митинге, посвященном этой дате, перед 12 тысячами жителей города, который освобождал. А на следующий год побывали в гостях у Херунцевых в Ереване сын Вацлава Войчик, дочь его Моника и зять Станислав.

Сколько еще теплых радостных встреч ждет друзей впереди!